

Глава 1

Сын Луисы Сантьяга и Габриэля Элихио

*Рассказ о том, как сын телеграфиста
из Аракатаки еще с колыбели
начинает собирать истории*

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Габо родился не в 1928 году, а в 1927-м. Он специально называет двадцать восьмой, чтобы дата его рождения совпала с годом, когда произошла бойня на банановых плантациях*. Коли уж на то пошло, так в 1928 году появился его брат.

ЛУИС ЭНРИКЕ ГАРСИА МАРКЕС. Вплоть до 1955 года я и сам искренне верил в то, что пришел в этот мир 8 сентября 1928 года после девятимесячной беременности моей матери. Но так случилось, что как раз в 1955 году Габито написал «Рассказ не утонувшего в открытом море» для газеты «Эль Эспектадор», и у него возникли неприятности с правительством генерала Рохаса Пинильи. Ему даже пришлось покинуть страну, для чего потребовался удостоверяющий документ, а в этом документе, уж не знаю почему, указывалось, что Габито рожден 6 марта 1928 года — то есть в один год со мной; из-за этого я попал в дурацкое положение: получалось, что либо я появился на свет недоношенным, шестимесячным младенцем, хотя по записям мой вес при рождении

---

* 5–6 декабря 1928 года в городке Съенага близ Санта-Марты (а также поблизости от Аракатаки, где родился Гарсия Маркес) правительственные войска расстреляли бастующих рабочих с банановых плантаций компании «Юнайтед фрут», протестовавших против рабских условий труда. Событие, вошедшее в историю как Банановая бойня, разрослось в сознании Гарсия Маркеса до огромных размеров и приобрело такую значимость, что он даже намеренно изменил год своего рождения, чтобы он совпал с годом этой трагедии. Ее он описывает и в романе «Сто лет одиночества», указывая, что военные расстреляли три тысячи рабочих. Дальше случился переворот в духе «магического реализма»: именно это число жертв закрепилось в анналах колумбийской истории.

ДО ЕГО ЭРЫ: «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» ЕЩЕ НЕ НАПИСАНЫ

составлял десять фунтов и две унции*, либо мы вроде как близнецы. Он так никогда и не исправил дату своего рождения, однако это именно я родился в Аракатаке, в департаменте Магдалена, в 1928 году. А Габито — 6 марта 1927 года.

РАМОН ИЛЬЯН БАККА. Матушка Габо, Луиса, происходила из достойной семьи. Они были из тех, кого можно причислить к уважаемым людям. А кого по тем временам считали уважаемыми? Тех, кто пользовался почетом у провинциального высшего класса — мы говорим о высшем обществе Санта-Марты. В Боготе же о нем так отзываются: «Это вы по меркам вашей тьerra кальянте** приличные люди». Луиса посещала школу Введения во храм Пресвятой Девы Марии в Санта-Марте — а это была средняя школа для высшего класса. Но они были просто уважаемыми людьми. Проще говоря, их на одни званые вечера приглашали, а на другие — нет. Все зависело от того, по какому случаю устраивался прием. А вот сеньора Гарсиа, его отца, думается мне, к уважаемым людям и не причисляли.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Отец Гарсиа Маркеса — Габриэль Элихио Гарсиа. Моя мать приходится ему двоюродной сестрой. И она немножко рассказывала мне о семейных делах. Сам я большой поклонник Гарсиа Маркеса. Все его книги прочитал. Конечно, я родился в Синсе — родном городе отца этого господина. Нужно говорить «Синсé», предпоследняя буква пишется как «с», и ударение падает на «е». Вообще-то город называется Сан-Луис-де-Синсé. Но в обиходе — просто Синсе.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Луиса Сантьяга, мать Габито, была белой леди, маленького росточка, с бородавкой вот здесь. Белая. Одного возраста с моей матерью. Моя мама в 1904 году родилась, и Луиса тогда же. Ей, почитай, уже девяносто шесть лет. Все позабыла, ничего не помнит.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Карлос Пареха тоже был из Синсе и приходился отцу Габито родней. Надо сказать, у Карлоса имелись большие связи. Он помог отцу Габо пристроиться изучать медицину, да только у того вскоре кончились деньги, положение его стало хуже некуда,

---

* Около 4,6 кг. *Прим. пер.*

** Тьerra кальянте (исп. tierra caliente — жаркая земля) — регион, расположенный в нижнем высотном лесном поясе с жарким влажным климатом. *Прим. пер.*

и ему (то есть отцу Габо) так и сказали: «Хватит тебе балбесничать, давай уже, возьмись за ум. Работу себе найди». Вот он и нашел место телеграфиста в Аракатаке. Переехал туда и тут же влюбился в Луису Сантьяга Маркес, дочку полковника Маркеса. Безмятежная она была такая, спокойная, эта Луиса Сантьяга Маркес, матушка его. И с моей матерью очень крепко дружила.

ХАЙМЕ ГАРСИА МАРКЕС. Как рассказывают, Габриэль Элихио Гарсиа, мой отец, приехал в Аракатаку служить на телеграфе, увидел однажды Луису, мою маму, и она ему сразу приглянулась. В один из дней он подошел к ней и сказал: «Хорошенько изучив всех женщин, встреченных в Аракатаке, я заключаю, что ты — именно та, которая подходит мне больше всего, — да, он так и выразился: «подходит мне». — Хочу на тебе жениться, обдумай мое предложение; а если решишь отказаться, просто скажи, и дело с концом, потому что я не так чтобы до смерти в тебя влюбился». Думаю, на самом деле он помирал от страха, боялся, что она его отвергнет, вот и старался этой глупой бравадой защитить свое достоинство. Мне это понятно, ведь мы все из одного теста: очень влюбчивы и нежны с нашими женщинами.

РАМОН ИЛЬЯН БАККА. Полковник, отец Луисы (да и не только он), не желал видеть рядом с ней Габриэля Элихио. По положению в обществе тот стоял ниже ее, а подобные вещи — вроде положения в обществе — сильно заботили тогда людей в маленьких городишках, где все всех знали и тесно общались.

ЛУИС ЭНРИКЕ ГАРСИА МАРКЕС. Жизнь их с самого начала была кочевой. Поженились они в Санта-Марте, на медовый месяц отправились в Риоачу, где обосновались на какое-то время; вернулись в Аракатаку перед рождением Габито, а потом, когда мне было месяца четыре от роду, всем семейством перебрались в Барранкилью; эти переезды туда-сюда произошли всего-то за два с половиной года, с июня 1926-го, с момента женитьбы, до января 1929-го, в котором мы поселились в Барранкилье. Габито же, как вы знаете, оставался в Аракатаке с нашими бабушкой и дедом.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Его вырастили бабушка с дедом по материнской линии. Они звали его не Габриэлito, а Габито, и вслед за ними все стали называть его так же. И я звал его Габито. Не Габо.

ДО ЕГО ЭРЫ: «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» ЕЩЕ НЕ НАПИСАНЫ

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Помимо прочего, полковник Маркес был либералом и участвовал в Тысячедневной войне*. А этот ухарь из Синсе [Габриэль Элихио] — гот**. «Хватит мне голову морочить, не желаю иметь ничего общего с этим сукиным сыном готом. Отправим нашу девочку в другой город». И тогда Габриэль Элихио — зря, что ли, он телеграфистом подвизался? — стал посыпать ей весточки по телеграфным проводам, а потом уже они поженились, не могли больше прятаться.

ПАТРИСИЯ КАСТАНЬО. В 1926-м, когда наш сеньор Гарсиа прибыл в Аракатаку, чтобы работать оператором на телеграфе, они [семейство Луисы Сантьяга] не приняли его и решили отправить ее в это путешествие в надежде, что сей господин забудет ее; они же планировали представить ее остальному семейству, которое оставалось в Барранкасе, где она могла бы завести новые знакомства. Выехав из Аракатаки, они направились к Вальедупару, чтобы обогнать Сьерру***. Проехали через Вальедупар, потом через Патильяль и так двигались дальше, пока не попали в Барранкас. Транкилина [бабушка Габо] тогда впервые возвращалась в те места. Очень далекое путешествие. Кажется, что от Аракатаки до Барранкаса рукой подать, а на поверку — ехать и ехать, недаром они два или даже три месяца добирались. Дорог-то тогда не было, мы же

* Тысячедневной войной назван гражданский вооруженный конфликт, длившийся тысячу дней, с 1899 по 1902 год. В Колумбии существовали две ведущие политические партии: Консервативная, близкая по духу феодальным взглядам латифундистов и духовенства, и Либеральная, выражавшая интересы крепнувшего класса крупных торговцев, выступавших за реформы и отделение религии от государства. Конфликт начался, когда либералы обвинили правящую Консервативную партию в подтасовках на выборах. Вплоть до самого недавнего времени в Колумбии существовала настолько глубокая пропасть между либералами и консерваторами, что даже браки между приверженцами враждующих лагерей считались делом совершенно немыслимым. Все знали, к какому лагерю принадлежит та или иная семья. Гарсиа Маркес вырос в либеральной семье. Его дед Николас Маркес участвовал в Тысячедневной войне. Сам Гарсиа Маркес говорил, что его персонажи либералы, в том числе Аурелиано Буэндия, сын основателя Макондо, списаны им с его обожаемого деда.

Герой повести «Полковнику никто не пишет» — тоже ветеран Тысячедневной войны, отставник, тщетно ожидающий, когда в столице ему назначат военную пенсию; он лично присутствовал при подписании Неерландского договора, который положил конец кровопролитной войне.

** «...готами либералы называли консерваторов» (Маркес Г. Г. Сто лет одиночества). *Прим. пер.*

*** Речь о Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, обособленном горном массиве на севере Колумбии, выходящем на побережье Прикарибской низменности. *Прим. пер.*

говорим о 1926-м или 1927 году. Они приехали на мулах по кавалерийским тропам, окаймлявшим Сьерру, и остались в Барранкасе. А те двое связь между собой поддерживали через телеграфистов, это Габриэль Элихио устроил. Я, например, слышала, что она прятала его телеграммы в кухонной плите под топкой. Кому пришло бы в голову искать письма в таком месте? В те времена в плитах под топкой помещалось нечто вроде металлического поддона — вот туда она письма и складывала. Его весточки передавались от одной телеграфной станции к другой. В те времена телеграф назывался Маркони. И она знала, что в телеграфной конторе ее ждало послание от него на желтой телеграфной ленте.

Мы ездили в Барранкас с Джеральдом Мартином, английским биографом, и несколькими братьями Гарсия Маркеса. Они водили нас по местам, где река образует заводи и куда они выбирались на пикники; и, кстати, в письмах Луисы тоже имеются упоминания о прогулке на реку. Наше путешествие было восхитительным. А самое поразительное — эти плиты с топками до сих пор существуют. Сохранились еще в некоторых домах, задвинутые в дальние углы. И находятся те, кто готовит на таких плитах или просто держит их в доме.

АИДА ГАРСИА МАРКЕС. Появление Габито объединило семью. Он родился как раз тогда, когда отец вернулся из Риоачи в Аракатаку, и благодаря этому Габриэлю Элихио оказали теплый прием; все уладилось, тем более что мои бабушка с дедом стали крестными на крестинах, и они подружились. Дедушка Николас начал называть отца «мой другище Габриэль Элихио». А потом так получилось, что внук остался жить у них. Позже родился Луис Энрике, и родители перебрались в Барранкилью, где появилась Марго, которая вечно хворала, потому что ела землю (как Ребека в романе «Сто лет одиночества»). Бабуля съездила в Барранкилью навестить их и решила, что Марго недокормленная; она сказала моей маме, чтобы та позволила ей забрать Марго к ним, мол, она будет давать ей железо и выхаживать ее, так что Марго тоже поселилась у бабушки с дедушкой. Папа в Барранкилье держал аптеку, и дела у него шли в гору, а мама моталась между Аракатакой и Барранкильей, чтобы навещать своих родителей и видеться с Габито и Марго.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Габриэль Гарсия Маркес был смуглый, как индеец, но не как чернокожий. Обладал богатейшим воображением. Оно Габито по наследству передалось, этим он отцу своему обязан. Тот был очень интересным человеком. Гораздым на выдумку.

ДО ЕГО ЭРЫ: «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» ЕЩЕ НЕ НАПИСАНЫ

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Его отец — наполовину врач. В нашей семье всегда были не только фармацевты, но и знахари, лечившие травами, да и ведьмы-знахарки встречались. В роду со стороны Патернина был один человек, который, как говорили, изготавлял особенные помады, а потом... «Ах, что за чудодейственная помада, от любого яда помогает», — он размазывал эту свою помаду по руке и давал змее укусить себя. У змеи, само собой, никакого яда не было, но он показывал эту свою пантомиму на площадях при большом скоплении публики. Где-то в окрестностях Синсе он жил. Габито использует этого малого в своих историях*.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Кстати, его отец, как и я, был консерватором.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Немногие знают, что его отец фактически и не был настоящим Гарсиа — он, в общем-то, Мартинес. Им следовало именоваться Мартинесами, а не Гарсиа. И он должен бы зваться Габриэль Мартинес Маркес, а не Габриэль Гарсиа Маркес. Вам же известно, как прежде обстояли дела в маленьких городишках — там много детишек рождались вне брака; отец Габо тоже был незаконнорожденным, потому и взял себе имя матери — Гарсиа. Его мать Архемира Гарсиа приходилась дочерью сеньору Гарсиа, прибывшему в Синсе с Лосаной Патернина. А эта Лосана Патернина — сестра моего деда, отца моей матери. Оттуда-то я и знаю Габито. Когда ему присудили Нобелевскую премию, все это выплыло наружу. Но они пресекли сплетни на корню, потому что... Нечего дурака валять, это же величайший писатель! Кто теперь скажет, что он незаконнорожденный отприск?

ХАЙМЕ ГАРСИА МАРКЕС. Работа оператором на телеграфе — лишь эпизод в жизни отца, и временами мне даже казалось, что на самом деле ничего такого не было и все это лишь выдумки Габито. Отец был личностью разносторонней, декламировал стихи, умел играть на скрипке.

МАРГАРИТА ДЕ ЛА ВЕГА. Когда я познакомилась с его отцом, тот имел обыкновение сидеть в компании других мужчин — теперь здесь, в Картагене, это уже не принято, знаете, туризм и все такое — на площади Боливара, это та, что снаружи перед Дворцом инквизиции и муниципалитетом. Теперь на ней по полудням устраивают представления — исполняют народные танцы. Местные собирались там и болтали,

---

* Например, в рассказе «Блакаман добрый, продавец чудес» (1968). *Прим. пер.*

особенно ближе к вечеру, в сумерках. Мой отец с ними никогда особо не рассиживался, ему было некогда, он вел беседы в другое время — он работал врачом, и его кабинет располагался неподалеку. А вот дядя — вечный бездельник и расточитель, — тот постоянно там околачивался.

На той площади частенько сиживал и великий поэт Луис Карлос Лопес* — Одноглазый Лопес, как его еще называли, — и рассказывал разные истории. Тогда такое времяпрепровождение считалось боhemным — сидеть на площади и, развесив уши, слушать чьи-то байки, потягивая ром. Отец Гарсии Маркеса тоже обожал рассказывать истории и потому бывал там.

Он успел пожить во множестве мест и потерпеть много неудач. А сколько профессий он перепробовал! Одно время работал телеграфистом. Иначе говоря, он и есть тот самый герой романа «Любовь во время чумы», который приезжает в город работать на телеграфе и влюбляется в мать Габо, между прочим, дочку самого уважаемого в городе человека. Это мы сейчас уже не о Картахене ведем речь, а об Аракатаке. В его роду — выдающиеся имена. Полковник Маркес. Маркес Игуаран считались семейством с определенными традициями. Игуараны происходят из Гуахиры, а Маркесы — из Санта-Марты и из Фундасьона, к тому же она — самая прелестная девушка во всем городе. Очень хорошенъкая, прямо красотка. Познакомившись с ней, я с первого взгляда поняла, несмотря на ее преклонный возраст, насколько хороша она была в молодости. А он — так себе, простоватый. Даже в старости не представлял внешне ничего особенного. Он учился какое-то время на удаленных курсах по фармакологии, работал фармацевтом. А потом стал практикующим гомеопатом.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Он умер в Картахене, когда скупал чеки на чужие жалованья. Учителям никогда не платили. И то, что им были должны за работу — их жалованье, — скупали другие люди по дешевке. С этого и жили.

ХОСЕ АНТОНИО ПАТЕРНОСТРО. Допустим, кому-то полагалось жалованье в сотню, скупщик жалованья подходил к нему и говорил: «Давай я заплачу тебе восемьдесят прямо сейчас? Скажешь в своей

---

* Луис Карлос Лопес (1883–1950) — колумбийский поэт, мастер сатиры. Обличал деспотизм властей, засилье церкви и другие социальные пороки; образными средствами рисовал портреты эксплуататоров, противопоставляя им простых людей.
Прим. пер.

компании, чтобы твою сотню выплатила мне. А я заработаю на разнице». Такова была механика сделок. Называлось это скопкой чеков на жалованье. Само жалованье от компании надеялся получить скопщик.

Происходило это в парке или на городской площади. Мужчины вечно нуждались в деньгах, вот и находили какого-нибудь типа, который скажет: «Я тебе отсыплю денег, но давай отойдем вот туда». В Картагене такой торг велся на площади Боливара, с внешней стороны, где Дворец инквизиции и муниципалитет. Эти типы выкупали чьи-нибудь зарплатные чеки, потом шли в контору к кассику госучреждения и говорили: «Таким-то не платите. Смотрите, они переписали свой чек на жалованье на меня, мне его и выдайте». Причем это было совершенно законное дело. Приведу в пример Марко Фиделя Суареса, он занимал пост президента Колумбии. Марко Фидель Суарес — из бедных слоев, сын прачки; отцом же его, как поговаривают, был генерал Обандо*. Когда Суарес избрался в президенты, его мать тяжело заболела. Так он два-три месяца не получал свою президентскую зарплату, договорившись с местным ростовщиком, тогда подвизавшимся в Боготе и ссужавшим президента деньгами. Тот ростовщик велел казначею Управления делами президента Республики, чтобы он эти месяцы выплачивал зарплату не президенту, а такому-то и такому-то.

Суареса погнали из президентов — тогдашние политики посчитали, что президенту не пристало продавать свои зарплатные чеки.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. С давних пор это повелось. Так оно и есть, уж поверь, миленькая.

РАМОН ИЛЬЯН БАККА. Осмелюсь заметить, что за этими байками о Брюсселе и Гарсиа Маркесе нет ничего, кроме слухов, потому что они не из тех семейств, чтобы разъезжать по Брюсселям. У него ни денег не было, ни земли. Это в «Сто лет одиночества» один из Буэндия под конец отправляется в Брюссель, верно? Да, такая мода тогда была — уезжать на учебу в Брюссель. Но он об этом разве что на стороне слышать мог, а никак не в своей семье. Вот мои тетки — да, десять лет в Брюсселе прожили, а до того их посыпали в Антверпен.

* Хосе Мария Рамон Обандо-дель-Кампо (1795–1861) — южноамериканский военный и политический деятель. В его богатой карьере бывало много взлетов и падений, он воевал сначала против Боливара, потом — на его стороне, поднимал восстания, в 1853 году был избран президентом Колумбии и принял весьма прогрессивную по тем временам Конституцию. В 1854 году отстранен от власти, в 1860 году осужден и позже казнен. *Прим. пер.*

Транкилина иногда оставалась переночевать в доме у моих теток — здоровенный такой родовой дом, из хлебосольных, где усадят за стол и накормят всякого, кто бы ни зашел. Огромные столы, всегда накрытые, готовые принять кого-то из знакомых; те из Аракатаки или Гуакамайи часто наезжали — кто ферму держал в тех краях, а кто родней управляющему приходился, ну или что-нибудь вроде того. Обычно прибывали утренним поездом, чтобы за день со всеми делами разделаться, а на следующий вернуться поездом домой. До вечера обернуться не получалось, вот и оставались переночевать в Санта-Марте. Потому дом моих тетушек у них в чести был. Когда Гарсиа Маркес напечатал свои «Сто лет одиночества», тетушки так отреагировали: «Кто бы мог подумать, что внук Транкилины вырастет таким башковитым?» Да, так прямо и сказали.